Philology Matters / ISSN: 1994 – 4233
Uzbekistan State World Languages University

2026 Vol. 56 No. 3
LINGUISTICS
https://philmatt.uzswlu.uz

Received: July 28, 2026
Accepted: September 23, 2026
Available online: September 25, 2026

https://doi.org/10.36078/987655595

Original research article / Original tadqiqot maqolasi

VERBAL METAPHOR AS A MEANS OF SECONDARY INTERPRETATION OF EMOTIONS

Nikolay BOLDYREV

Doctor of Sciences in Philology, Professor
Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russia
ORCID iD: 0000-0001-6864-9859
Email: boldyrev@tsutmb.ru

Marina IONOVA

PhD Student
Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russia
ORCID iD: 0009-0000-5510-565X
Email: ionova@tsutmb.ru

ABSTRACT

This article examines the interpretative potential of verbal metaphor as a means of secondary linguistic interpretation of emotional states. The relevance of the study stems from the need for a comprehensive account of the cognitive mechanisms underlying the conceptualization of emotional states. The study draws on N.N. Boldyrev's theory of linguistic interpretation, which views linguistic conceptualization as a cognitively determined process realized through specific linguistic interpretation schemas. In particular, the conceptual metaphor schema comprises propositional schemas, which capture basic logical relations and scenarios, and imagistic schemas, which rely on perceptual and motor experience to provide a tangible basis for understanding abstract phenomena.

The study aims to identify and describe the cognitive mechanisms involved in the linguistic interpretation of emotional states through verbal metaphor and to determine the specific and universal strategies of emotion metaphorization across structurally different languages in terms of secondary linguistic interpretation. The methods employed include conceptual-definitional analysis to identify the underlying conceptual foundations of verbal metaphors, conceptual-contextual analysis to examine meaning construction in context, and cognitive modelling to reconstruct the interpretative schemas underlying the metaphorical conceptualization of emotions. The empirical data comprise material from Russian, English, and French, enabling the identification of universal strategies of emotion metaphorization.

The findings demonstrate that verbal metaphor is a key instrument in shaping semantic emphasis in descriptions of human inner experience. It selects relevant features of emotional states, classifies them into semantic categories, and assigns them evaluative connotations. These functions operate not independently but as interconnected components of a unified interpretative process. The identified cognitive models and shared interpretative strategies enhance understanding of the cognitive mechanisms of linguistic interpretation and the expression of emotions across structurally different languages, highlighting the role of verbal metaphor in shaping semantic emphasis in representations of inner experience.

© Nikolay Boldyrev, Marina Ionova, 2026. Licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY 4.0).

Key words: emotion, linguistic interpretation, verbal conceptual metaphor, cognitive mechanism, metaphorical model, selection, classification, evaluation.

For citation:
Boldyrev, N., & Ionova. M. (2026). Verbal metaphor as a means of secondary interpretation of emotions. *Philology Matters*, *56*(3), 3–20. https://doi.org/10.36078/987655595.

EMOTSIYALARNING IKKILAMCHI TALQIN VOSITASI SIFATIDA FE'L METAFORASI

Nikolay BOLDIREV

Filologiya fanlari doktori, professor
G.R. Derjavin nomidagi Tambov davlat universiteti
Tambov, Rossiya

Marina IONOVA

Tayanch doktorant
G.R. Derjavin nomidagi Tambov davlat universiteti
Tambov, Rossiya

ANNOTATSIYA

Maqolada fe'l metaforasining hissiy holatlarni ikkilamchi lisoniy talqin qilish vositasi sifatidagi imkoniyatlari tadqiq etiladi. Tadqiqotning dolzarbligi hissiy holatlarni konseptuallashtirish asosida yotgan kognitiv mexanizmlarni kompleks o'rganish zarurati bilan belgilanadi. Ish N.N. Boldirevning lisoniy talqin nazariyasiga asoslanadi. Ushbu nazariyaga ko'ra, til vositasida anglash kognitiv omillar bilan belgilanadigan jarayon bo'lib, maxsus lisoniy talqin sxemalari orqali amalga oshadi. Xususan, konseptual metafora sxemasi asosiy mantiqiy munosabatlar va ssenariylarni aks ettiruvchi propozitsional sxemalarni hamda idrok va harakat tajribasiga tayanib, mavhum hodisalarni anglashga ko'maklashuvchi obrazli sxemalarni o'z ichiga oladi. Tadqiqotda lisoniy talqinning uchta funksiyasi – tanlash, tasniflash va baholashga alohida e'tibor qaratiladi. Ular yagona talqin jarayonining o'zaro bog'liq tarkibiy qismlari sifatida ko'rib chiqiladi.

Tadqiqotning maqsadi fe'l metaforasi orqali amalga oshadigan hissiy holatlarning lisoniy talqiniga xos kognitiv mexanizmlarni aniqlash va tavsiflash, shuningdek, ikkilamchi lisoniy talqin funksiyalarini hisobga olgan holda, tuzilishi turlicha bo'lgan tillarda his-tuyg'ularni metaforik ifodalashning o'ziga xos va universal strategiyalarini belgilashdan iborat. Tadqiqotda fe'l metaforalarining asosiy konseptual negizlarini aniqlash uchun konseptual-definitsion tahlil, kontekstda ma'no shakllanishini ochib berish uchun konseptual-kontekstual tahlil hamda his-tuyg'ularni metaforik talqin qilish asosidagi sxemalarni qayta tiklash uchun kognitiv modellashtirish usullaridan foydalanildi. Tadqiqotning empirik bazasini rus, ingliz va fransuz tillariga oid materiallar tashkil etadi. Bu esa his-tuyg'ularni metaforik ifodalashning universal strategiyalarini aniqlash imkonini beradi.

Tadqiqot natijalari fe'l metaforasi insonning ichki kechinmalarini tasvirlashda ma'no urg'ularini shakllantiruvchi muhim vosita ekanini ko'rsatadi. U hissiy holatlarning muhim belgilarini tanlash, ularni mazmuniy toifalarga ajratish va muayyan baholash bo'yog'ini berish imkonini yaratadi. Mazkur funksiyalar alohida emas, balki yagona talqin jarayonining o'zaro uzviy bog'liq qismlari sifatida namoyon bo'ladi. Aniqlangan tipik kognitiv modellar va umumiy talqin strategiyalari turli tizimli tillarda lisoniy talqinning kognitiv mexanizmlari hamda his-tuyg'ularning ifodalanish xususiyatlari haqidagi tasavvurlarni kengaytiradi. Shuningdek, ular insonning ichki kechinmalarini tasvirlashda fe'l metaforasining ma'no urg'ularini shakllantirishdagi rolini ochib beradi.

Kalit so'zlar: hissiyot, lisoniy talqin, fe'l konseptual metaforasi, kognitiv mexanizm, metaforik model, tanlash, tasniflash, baholash.

ГЛАГОЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ВТОРИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭМОЦИЙ

Николай БОЛДЫРЕВ

Доктор филологических наук, профессор
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Тамбов, Россия

Марина ИОНОВА

Аспирант
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Тамбов, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется интерпретационный потенциал глагольной метафоры как средства вторичной языковой интерпретации эмоциональных состояний. Актуальность работы обусловлена необходимостью комплексного описания когнитивных механизмов, лежащих в основе концептуализации эмоциональных состояний. Работа базируется на авторской теории языковой интерпретации (Н.Н. Болдырев), согласно которой языковое осмысление предстает как когнитивно обусловленный процесс, реализуемый через особые схемы языковой интерпретации, в частности схему концептуальной метафоры, включающую в себя пропозициональные схемы (фиксирующие базовые логические отношения и сценарии) и образные (опирающиеся на перцептивно-двигательный опыт и дающие наглядную опору для осмысления абстрактных явлений). Особое внимание уделено реализации трех функций языковой интерпретации: селекции, классификации и оценки, которые рассматриваются как взаимосвязанные элементы единого интерпретационного процесса.

Цель исследования – выявить и описать когнитивные механизмы языковой интерпретации эмоциональных состояний, реализуемые посредством глагольной метафоры, а также определить специфику и универсальные стратегии метафоризации эмоций в разноструктурных языках с учетом функций вторичной языковой интерпретации. В работе применены следующие методы: концептуально-дефиниционный анализ (для выявления базовых концептуальных оснований глагольных метафор), концептуально-контекстуальный анализ (для раскрытия смыслообразования в контексте) и когнитивное моделирование (для реконструкции и интерпретационных схем, лежащих в основе метафорической интерпретации эмоций). Эмпирическая база исследования охватывает материал трех языков: русского, английского и французского. Это дает возможность выявить универсальные стратегии метафоризации эмоций.

Результаты исследования демонстрируют, что глагольная метафора выступает ключевым инструментом формирования смысловых акцентов при описании внутреннего опыта человека. Она позволяет отбирать релевантные признаки эмоциональных состояний (функция селекции), распределять их по смысловым категориям (функция классификации), а также придавать им определенную оценочную окраску (функция оценки). При этом указанные функции трактуются не изолированно, а как взаимосвязанные элементы единого интерпретационного процесса. Выявленные типовые когнитивные модели и общие интерпретационные стратегии расширяют представление о когнитивных механизмах языковой интерпретации и специфике выражения эмоций в разноструктурных языках, демонстрируя роль глагольной метафоры в формировании смысловых акцентов при описании внутреннего опыта.

Ключевые слова: эмоция, языковая интерпретация, глагольная концептуальная метафора, когнитивный механизм, метафорическая модель, селекция, классификация, оценка.

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрическая сущность языка – это его фундаментальное

свойство отражать особенности человеческого мышления, сознания и познавательной деятельности. Язык выступает главным инструментом концептуализации и интерпретации мира сквозь призму человеческого опыта, см.: [Boldyrev, 2015]. Изучая познавательную активность человеческого сознания, когнитивная лингвистика уделяет особое внимание моделированию явлений окружающего и внутреннего мира самого человека. Одной из самых дискуссионных тем в этой области – природа эмоций. Исследователи активно спорят об их связи с разумом и способах описания эмоциональных концептов. Являясь глубоким социокультурным феноменом, эмоции служат важнейшим элементом концептосферы любого языка и выполняют множество функций (см.: [Solodilova, 2010: 71; Maklakov, 2016]), в том числе и интерпретирующую.

Выделение различных типов концептов эмоций и соответствующих им языковых средств само по себе выступает специфическим механизмом осмысления действительности и фиксации знаний о ней. Этот процесс происходит независимо от того, в какой форме типология этих единиц описывается в трудах исследователей, представляющих разнообразные лингвистические школы. Многообразие подходов к языковой интерпретации детерминировано амбивалентной сущностью языка, так как он одновременно реализует двойное означивание – на уровне языковой системы и в самой речи, а затем интегрирует разнородные феномены: универсальное и единичное, социально обусловленное и личностное, объективную данность и субъективную оценку, см.: [Boldyrev, 2015a: 5].

Особую значимость в этом контексте приобретает изучение метафорических средств, поскольку метафора выступает одним из ключевых инструментов вторичной интерпретации. При этом глагольная метафора занимает особое место за счет своей способности придавать эмоциональным концептам динамичность и событийность. Эмоция предстает как активный процесс или живое существо, способное действовать. Такой ракурс позволяет проследить, как в самом выборе глагола отражается когнитивная перспектива говорящего, какие аспекты переживания он ставит на первое место, к какой типовой ситуации их относит и какую оценку им придает.

Целью данного исследования является анализ глагольных метафор, репрезентирующих эмоциональные состояния в русском, английском и французском языках, как средства вторичной языковой интерпретации, а также выявление специфики реализации в них трех функций языковой интерпретации (селекции, классификации и оценки). В рамках исследования предполагается раскрыть взаимосвязь данных функций при метафорической интерпретации эмоций, продемонстрировав их синергетический характер, то есть неразрывность в акте интерпретации.

Эмпирическая база исследования позволяет выявить универсальные когнитивные основы метафоризации эмоций и зафиксировать культурно языковые различия.

МЕТОДЫ

Методологическая база исследования опирается на комплекс взаимодополняющих методов, позволяющих раскрыть схемы метафорической интерпретации эмоций: *концептуально-дефиниционный анализ*, *концептуально-контекстуальный анализ, метод когнитивного моделирования.*

На этапе концептуально-дефиниционного анализа выявляются семантические компоненты прямого и переносного значений глагола, фиксируется перенос релевантных компонентов из исходной сферы в эмоциональную. Анализ позволяет определить соотношение области-источника и области-цели.

Концептуально-контекстуальный анализ глагольной метафоры как средства вторичной интерпретации эмоций ориентирован на выявление смысловых трансформаций глагола в конкретных речевых условиях с опорой на когнитивные модели концептуализации эмоций.

Метод когнитивного моделирование направлен на экспликацию ментальных структур, лежащих в основе метафорического переосмысления эмоционального состояния. В рамках данного метода строится когнитивная модель метафорической интерпретации, где фиксируются ключевые компоненты: область-источник и область-цель.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Концептуальная метафора формирует исходную когнитивную рамку для интерпретации эмоций, задавая устойчивые межконцептуальные соответствия. В свою очередь, глагольная концептуальная метафора реализует функцию вторичной интерпретации. Она не столько устанавливает новую аналогию, сколько конкретизирует и динамизирует уже заложенную схему, позволяя говорящему селективно выделять отдельные аспекты эмоционального опыта, классифицировать их в терминах действия и одновременно оценивать интенсивность, направленность и развитие состояния. Таким образом, метафорическая интерпретация эмоций посредством глагола отражает движение от общей когнитивной модели к ее использованию в речевом акте.

Проведенное исследование доказывает, что метафорическая интерпретация эмоций успешно реализует все три функции языковой интерпретации, одновременно демонстрируя, что эти функции не существуют в изоляции друг от друга, они работают как единый механизм, где одна функция запускает и дополняет другую. Селекция профилирует какую-либо характеристику, так как классифицировать и оценивать можно только то, что выделено. Классификация структурирует материал для оценки, то есть относит явление к той или иной категории. Оценка, в свою очередь, влияет на последующую селекцию. Именно эта целостность наделяет глагольную метафору значительным интерпретационным потенциалом.

Важным следствием такой взаимосвязанности трех функций выступает высокая адаптивность глагольной метафоры к коммуникативным задачам. В зависимости от интенции говорящего акцент может смещаться на любой из трех

аспектов. Если цель метафоризации – подчеркнуть внезапность и разрушительность переживания, на первый план выходит селекция признаков «поломки» или «обрушения». Если важнее показать типологию эмоции, например, страх как нечто, ограничивающее движение, тогда доминирует функция классификации. Если задачей говорящего является передача субъективного ощущения тяжести эмоционального состояния, то ведущую роль берет оценочная функция. При этом смещение акцентов не разрушает общую когнитивную структуру. Пропозициональная схема (субъект – действие – объект) и образно-схематические модели (ВМЕСТИЛИЩЕ, ПУТЬ, СИЛА, КОНТЕЙНЕР) остаются точками опоры, между которыми разворачивается интерпретация.

Особую значимость эта функциональная целостность приобретает в межъязыковом измерении. В разных языках расстановка семантических приоритетов при репрезентации эмоций варьируется в зависимости от культурно обусловленных эталонов эмоционального опыта. Различия проявляются не в отказе от базовых когнитивных схем, а в избирательности их актуализации. Один язык устойчивее профилирует параметры силы и давления, другие – динамику перемещения и силу, третьи – необратимости и ритуальности. Такая вариативность отражает специфику культурно-языковых решений при сохранении универсальных когнитивных моделей.

Еще одним проявлением интерпретационного потенциала глагольной метафоры служит ее способность к контекстуальной трансформации. Один и тот же глагол, функционирующий в разных контекстах, может профилировать разнообразные признаки за счет распределения акцентов между функциями интерпретации. Такая гибкость возможна только благодаря взаимодействию последних.

Единство трех функций: селекции, классификации и оценки, делает глагольную метафору эффективным инструментом не только описания, но и конструирования эмоционального смысла. Автор не просто «подбирает образ», а активно формирует когнитивную перспективу. Именно говорящий решает, какие аспекты эмоции сделать видимыми, к какой категории их отнести, какую оценку им придать. Интересно отметить, что одна и та же ситуация может вызвать абсолютно разную эмоциональную реакцию у разных людей. Это обусловлено индивидуальными особенностями восприятия, личным опытом, ценностными установками и текущим психологическим фоном. Более того, даже у одного и того же человека реакция на идентичную ситуацию способна существенно меняться, если трансформируется какой-либо значимый фактор, влияющий на его эмоциональное состояние [Maklakov, 2016].

Такая вариативность эмоциональных откликов наглядно демонстрирует субъективный характер осмысления действительности и подчеркивает, что выбор метафорического средства не является нейтральным или универсальным. Он напрямую зависит от того, как конкретный индивид интерпретирует свое переживание в данный момент.

Именно поэтому метафорическая интерпретация эмоций выступает

результатом вторичной языковой интерпретации, трансформируя глагольную метафору из средства выразительности в полноценный механизм языковой интерпретации, органично сочетающий универсальность когнитивных схем и вариативность культурно-языковых решений.

ОБСУЖДЕНИЕ

На современном этапе развития языкознания отмечается активное становление антропоцентрической парадигмы, ключевой вектор которой направлен на изучение человека как языковой личности, анализ его разноплановой деятельности, ментальной сферы и психоэмоциональных реакций [Boldyrev, 2015a, 2015b, 2015c, 2016, 2017]. Поскольку эмоции служат фундаментальным маркером внутреннего состояния индивида и интегрированы во все сферы его жизнедеятельности, их репрезентация прослеживается на каждом уровне языковой системы. Изучение эмоций в лингвистике сохраняет устойчивый исследовательский интерес, что обусловлено, как уже было отмечено выше, многоаспектностью феномена и возможностью его анализа в рамках различных теоретических парадигм.

Семантико-прагматический ракурс, развиваемый А.Вержбицкой, рассматривает семантический метаязык для описания эмоций через прототипические ситуации, фиксирующие универсальные когнитивные структуры, лежащие в основе понимания эмоциональных состояний носителями языка. Данный подход позволяет эксплицировать культурно обусловленные различия в интерпретации эмоций за счет сведения сложных переживаний к базовым семантическим примитивам (см. подробнее: [Wierzbicka, 1986, 1988, 1995, 1999, 2009].

Концепция Н.Д. Арутюновой обращается к роли метафорических моделей в концептуализации эмоций. Согласно мнению исследователя эмоции репрезентируются в языке через образы «жидкого тела» (наполняющего сосуд), «текущего тела» (подлежащего потреблению/излиянию), «огня» (способность разгораться/гаснуть) и «стихийных сил» (обладающих разрушительным потенциалом), отражая когнитивные механизмы осмысления внутреннего опыта через призму физических явлений [Arutyunova, 1990, 1999].

Опираясь на основные постулаты теории языковой интерпретации (см. подробнее: [Boldyrev, 2007, 2011a, 2011b, 2013, 2014, 2015, 2016, 2018, 2019 и др.]), можно говорить о том, что репрезентация эмоций в языке является продуктом вторичной интерпретации, то есть формируется в зависимости от концептуальной системы конкретного индивида, его возраста, образования, окружения и психологического состояния человека в данный момент времени [Там же].

Рассматриявая интерпретирующую функцию языка в контексте эмоциональной концептосферы, целесообразно обратиться к механизму концептуальной метафоры как одного из ключевых средств вторичной интерпретации эмоций.

Ш.Балли, представитель структуралистического направления в языкознании, в ключевом труде по стилистике трактует феномен метафоры в философском ключе. По мнению ученого, возможности человеческого сознания в

сфере абстрактного мышления имеют определённые пределы. Как отмечает исследователь: «Величайшее несовершенство человеческого ума состоит в том, что он неспособен к абсолютной абстракции; он не может выделить чистое понятие, воспринять идею вне всякой связи с конкретной действительностью. Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других. Такого происхождение метафоры» [Balli, 2001: 221].

В основе теории концептуальной метафоры лежит представление о ее преимущественно ментально-когнитивной природе, а не лингвистической, так как языковая реализация мысли выступает не самим когнитивным процессом, а его экспликацией. Языковые метафоры трактуются как внешнее проявление глубинных концептуальных метафор, инкорпорированных в понятийный аппарат индивида и детерминирующих его когнитивную деятельность, восприятие и поведенческие паттерны [Kalinin, 2025: 32].

Теоретическая база концептуальной метафоры коррелирует с ключевыми постулатами когнитивной семантики, в частности с принципом воплощенной когниции. Данный принцип предполагает, что семантическая структура лексических единиц формируется посредством концептуализации телесного опыта взаимодействия с окружающей средой, при этом метафоризация рассматривается как один из механизмов переосмысления. По утверждению Дж.Лакоффа и М.Джонсона, которое вторит мнению Ш.Балли, указанному выше, данный механизм представляет собой базовую ментальную операцию, когда в условиях когнитивной неопределенности субъект систематически прибегает к элементам семантически освоенной сферы для интерпретации новых, сложных или недостаточно ясных феноменов [Lakoff & Johnson, 2004: 25.]

Лингвистический анализ метафорического выражения эмоций, как сложного психического процесса, свидетельствует об его опоре на концептуальные метафоры. Исследователи активно обсуждают степень распространенности подобных метафор, предполагая их потенциальную универсальность, либо обусловленность конкретными языковыми системами. Согласно популярной позиции, базирующейся на связи метафорического мышления с телесным опытом и взаимодействием с окружающим миром, допустимо ожидать определенной кросскультурной общности таких когнитивных моделей, что находит подтверждение в проведенном исследовании.

Так, концептуализация гнева как давления, производное от более общей модели СИЛА > ЭМОЦИИ, неоднократно становилась предметом исследований в различных языках. В человеческом сознании гнев ассоциируется с состоянием кипения, взрыва, бурления. Представления о необходимости сдерживать, либо высвобождать данную эмоцию также являются распространенными. Визуальная репрезентация данного концепта в комиксах – изображение пара или дыма, исходящих из ушей персонажа, – отражает интуитивное восприятие гнева как избыточного внутреннего давления. Сходные метафорические модели встречаются в разноструктурных языках. При этом стоит отметить, что не все

когнитивные метафоры обладают универсальным характером, значительная их часть демонстрирует широкое географическое и культурное распространение [Kövecses, 2002, 2010].

Метафоричность присуща и обыденному общению, и психотерапевтическому дискурсу, равно как и художественному описанию эмоциональных состояний. Несмотря на типологию дискурса, отмечается, что во всех случаях образные средства служат базовым механизмом репрезентации аффективных переживаний [Kövecses, 2002, 2010].

В.И. Шаховский – основоположник лингвистической теории эмоции (см. подробнее [Shakhovskiy, 1984, 1998, 2009, 2019], исследуя проблему языковой репрезентации эмоций в художественном тексте, подчеркивает, что последний непременно отражает эмоциональную сферу человеческого бытия. При этом проявление эмоций происходит опосредованно, то есть с помощью особых языковых знаков, которые выполняют функцию экспликации эмоциональных состояний [Shakhovskiy, 2008: 15]. В качестве одного из таких «материальных» языковых средств, позволяющих репрезентировать эмоции в художественном тексте, выступает концептуальная глагольная метафора.

В рамках концепции Дж.Лакоффа и М.Джонсона механизм метафоризации базируется на взаимодействии двух концептуальных областей: области-источника (source-domain) и области-цели (target-domain). Суть процесса состоит в том, что смысловое содержание, присущее области-источнику, транслируется на область-цель. В результате влияния комплекса когнитивных факторов (индивидуальных и социально детерминированных), происходит трансформация исходного значения: оно получает новую семантическую интерпретацию, обретая метафорический статус [Lakoff & Johnson, 2004]. Стоит отметить, что глагольная метафора, интерпретирующая эмоции, чаще всего опирается на онтологический тип концептуальной метафоры. Она позволяет представить абстрактные эмоциональные состояния как живые организмы или предметы, обладающие конкретными характеристиками и способные к выполнению определенных действий, которые и реализуются за счет использования глагола в процессе метафоризации.

Глагол выступает ключевой языковой единицей в конструировании смысла высказывания, так как он не просто фиксирует информацию о событии, но и содержит в себе имплицитные сведения о его структурной организации, типологии и характеристиках участников. Поскольку глагол образует ядро предложения, он определяет синтаксическую структуру и таксономические свойства входящих в него компонентов, одновременно обеспечивая реализацию предикативной функции. Многоуровневая вовлеченность глагола в языковую систему, в частности, в виде лексемы и предиката, позволяет глаголу принимать непосредственное участие в построении фундаментальных языковых структур и новых метафорических смыслов. Именно благодаря такой полифункциональности и специфике глагол может рассматриваться как базовая языковая единица, преломляющая через собственную категориальную систему разнотипные знания.

Соответственно, он служит основным средством репрезентации ситуативных знаний о мире и обладает широким интерпретирующим потенциалом, см.: [Boldyrev, 2001: 42].

В силу этой своей специфики глагольная метафора функционирует на стыке двух типов когнитивных схем языковой интерпретации. Суть этого явления заключается в том, что при метафорическом переосмыслении глагола происходит одновременная активация и взаимодействие пропозициональной и образно-схематической моделей. Пропозициональная схема задает рамки события, определяет его участников и действия, которые они должны совершать, то есть в прямом значении глагол структурирует опыт как конкретную пропозицию, см.: подробнее [Boldyrev, 2016a: 17]. К примеру, глагол *резать* подразумевает наличие субъекта, объекта, инструмента и реализацию целенаправленного действия. При формировании метафоры *резать по живому* происходит не изменение пропозициональной схемы, а ее переосмысление, когда элементы исходной ситуации проецируются на новую область, сохраняя логические связи, но меняя денотативную соотнесенность.

Одновременно активируется и образно-схематическая модель, которая опирается на телесный опыт и представляет ситуацию в виде наглядной схемы (верх – низ, путь, передняя сторона – задняя сторона, вместилище и др.). В случае глагольной метафоры образно-схематическая модель профилирует определенный аспект взаимодействия, выделяя в нем динамические, пространственные или наглядные характеристики [Boldyrev, 2016a: 18]. Например, метафора *взорваться от гнева* использует схемы «контейнер» и «движение вверх».

Глагольная метафора, таким образом, работает как механизм, который опирается на рационально структурированное знание и на наглядный схематический образ, позволяя метафоре эффективно концептуализировать абстрактные и сложные явления, такие как эмоции, обеспечивая логическую связанность, яркость и доступность интерпретации.

Как уже было обозначено выше, метафорическая интерпретация эмоций представляет собой продукт вторичной языковой интерпретации и характеризуется субъективностью, обусловленной индивидуально-культурными факторами. В рамках теории языковой интерпретации она реализует три функции: *селекцию* – акцентирование релевантных аспектов эмоции; *классификацию* – соотнесение эмоции с определенной понятийной областью для упорядочивания эмоционального опыта; *оценку* – придание аксиологической нагрузки метафорическому образу, см.: [Boldyrev, 2011b: 12-13].

Рассмотрим примеры глагольной метафоры, реализующей **селективную функцию** языковой интерпретации эмоций:

Словно мир на миг ***сломался*** *и все пошло кувырком: родители начали хоронить своих детей, а не наоборот* (Н.Реньжина, «Бабушка сказала сидеть тихо», с. 113);

Придет время и она так же окончательно ***посереет***, ***стухнет*** *и умрет* (Н.Реньжина, «Бабушка сказала сидеть тихо», с. 32)*;*

His very heart was bleeding, and it took all the manhood of him, and there was a royal lot of it, too, to keep him from ***breaking down*** (B.Stocker, «Dracula», с. 143);

– "My heart is ***broken*** *for Joe".*

*– "****Fractured****, at least", Rachel teases, geantly* (C.Ahern, «Lyrebird», с. 11);

Le sol ***se dérobait*** *sous mes pieds* (A.Gavalda, «Je l'aimais», с. 106);

La Bredart leur ***pourissait*** *l'existence, dans la limite de ses moyens disponibles certes, mais déjà, c'était relativement fatiguant...* (A.Gavalda, «Ensemble. C'est tout», с. 7).

Глаголы, метафоризирующие трагические эмоциональные состояния во всех приведенных примерах из трех анализируемых языков, задействуют метафорическую модель ПОЛОМКА > ГОРЕ / ШОК. Функция селекции проявляется в отборе языковых единиц. В данных примерах наблюдается профилирование таких характеристик, как утрата работоспособности и разрушение структуры, а не просто приравнивание трагедии к «чему-то плохому». Данный смысл реализуется через семантику соответствующих глаголов: *сломаться, break down* ('ломаться, сдаваться'), *se dérober* ('рушиться'), которые задают динамику разрушения и делают схему действенной, а не статичной. Пропозициональная структура задает типовую ситуацию: есть объект/состояние (жизнь, состояние), есть действие (поломка), есть последствия (необратимость, беспомощность, утрата опоры). Говорящий выделяет именно аспект «нарушения функционирования/целостности» как релевантный, соответственно происходит отбор признаков поломки, а не тяжести или длительности.

Вторые примеры в каждом языке выстраивают похожую метафорическую модель ДЕГРАДАЦИЯ/ПОРЧА > ПЕЧАЛЬ, которая профилирует не внезапное нарушение функционирования, а постепенное угасание, утрату жизненных сил. В русскоязычном примере глаголы *посереет* и *стухнет* задают динамику замедленной смерти. Сходная характеристика профилируется глаголом *pourrir* 'гнить', 'разлагать', 'отравлять', который акцентирует не внезапное разрушение, а хроническое отравление, медленное гниение. В английском примере ключевую роль играет реплика-поправка о том, речь идет не о полном разрушении (*broken*), но о трещине в сердце (*fractured*).

Реализацию **функции классификации** можно проиллюстрировать следующими примерами:

Страх ***сковал*** *тело и не позволял думать трезво* (Н.Реньжина, «Бабушка сказала сидеть тихо», с. 192);

Максим понимал, что в груди у него ***возится*** *какое-то новое чувство, от которого* ***не получится*** *так просто* ***отмахнуться*** (Е.Вольская, «Такси невыдуманных историй», с.198);

The time I waited seemed endless, and I felt doubts and fears ***crowding*** *upon me* (B.Stocker. «Dracula», с. 14);

My fear ***fell*** *from me as if it had been a vaporous garment which dissolved in the warmth* (B.Stocker, «Dracula», с. 50);

La peur était là. Ce truc dans mon ventre qui ***m'empêchait*** *de lui sourire*

(A.Gavalda, «Je l'aimais», с. 125);

Le chagrin et l'effroi ***l'empêchaient*** *d'être plus tendre*... (A.Gavalda, «Ensemble. C'est tout», с. 5).

Глагольные метафоры в приведенных примерах реализуют когнитивную стратегию отнесения абстрактного переживания страха к конкретным телесно и предметно осязаемым сценариям действия, тем самым «классифицируя» эмоцию, подводя ее под уже понятные сознанию типы событий. В русскоязычном фрагменте глагол *сковал* активирует метафорическую модель ОКОВЫ > СТРАХ, то есть страх концептуализируется как внешняя сила, лишающая тело свободы движения, и, как следствие, способности принимать рациональные решения. Классифицирующая функция здесь проявляется в отнесении эмоции к классу «препятствий», где источником метафорической проекции выступает коллективный опыт взаимодействия с оковами и цепями – всем, что механически блокирует подвижность тела. Глагол *возится* актуализирует метафорическую модель *ЖИВОЕ ВЕЩЕСТВО > ЭМОЦИЯ.* Человек осмысляется как вместилище, а эмоция как живое существо, копошащееся, движущееся внутри его. Классифицирующая функция проявляется в категоризации эмоции как неуправляемого автономного агента, обладающего собственной волей и телесностью.

Французский глагол *empêcher* ('мешать, препятствовать') опирается на модель ПРЕПЯТСТВИЕ > СТРАХ. Классифицирующая функция проявляется в категоризации эмоции как внутреннего барьера, который не позволяет реализовать желаемое социальное поведение. При этом эмоция приобретает характеристики материального объекта.

В английском примере задействована метафорическая модель ТЕСНОТА > СТРАХ через использование глагола *crowd* ('тесниться, напирать, толпиться'). Страх осмысляется как множество агентов, занимающих личное пространство говорящего. Классифицирующая функция осуществляется за счет отнесения переживаний к классу «вторжений», где областью-источником служит опыт пребывания в толпе и ограниченном пространстве. Глагол *fall* ('падать') активирует метафорическую модель ВЕЩЕСТВО > СТРАХ. Страх концептуализируется как материальный объект, который спадает с тела, то есть эмоция относится к классу «устранимых предметов», обладающий свойствами физического объекта, поэтому он преодолим в отличие от страха-оковы или страха-препятствия, которые требуют внешнего усилия для его устранения.

Метафорическая интерпретация эмоций посредством глагольных единиц изначально реализует **оценочную функцию** языковой интерпретации. Будучи субъективным переживанием, эмоция выражает отношение индивида к ситуации, тем самым задавая ее оценочную квалификацию. При этом в ряде контекстов оценочная функция доминирует над селекцией и классификацией, в частности, когда акцент смещается на передачу интенсивности эмоции, тогда как дифференцирующие и категориальные параметры отходят на второй план:

Всюду будешь ***влачить*** *за собой общую с мужем скорбь* (Н.Реньжина, «Бабушка сказала сидеть тихо», с.116);

Работу я себе найду, а вот нервы и самоуважение больше никому не позволю ***топтать*** (Е.Вольская, «Такси невыдуманных историй», с. 73);

He ***wore*** *a look of stern sadness and infinite pity* (B.Stocker, «Dracula», с. 127);

Mina's life and happiness ***were flying*** *from us, since whilst we talked action was possible* (B.Stocker, «Dracula», с. 350);

On ***a*** *tout* ***enterré****, nos amis, nos rêves et nos amours, et maintenant, ça va être notre tour!* (A.Gavalda, «Je l'aimais», с. 140).

J'étais trop jeun pour intéresser mon père et ma mère ***papillonnait*** (A.Gavalda, «Je l'aimais», с. 31).

Анализ представленных примеров демонстрирует реализацию различных метафорический моделей, каждая из которых актуализирует специфическую когнитивную схему и формирует негативную оценку описываемых состояний. В русском примере глагол *влачить* реализует метафорическую модель ГРУЗ > ГОРЕ. Глагол не нейтрален, он изначально содержит компонент тяжести и сопротивления, что интерпретирует скорбь как бремя, от которого невозможно освободиться. Это создает образ безысходности и страдания, где оценка возникает из динамики действия, а не из прямого утверждения. Глагол *топтать* так же не отличается нейтральностью, он несет агрессивную коннотацию, реализуя модель ФИЗИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ > УНИЖЕНИЕ.

Анализ французской метафоры демонстрирует использование модели СМЕРТЬ > ГОРЕ. Глагол *enterrer* ('хоронить') отсылает к ритуалу захоронения и выступает в качестве эталона концептуальной утраты, подчеркивая окончательность и необратимость исчезновения значимых аспектов бытия. «Похоронить» все – значит не просто оставить все позади, а исключить возможное возрождение. Оценка формируется за счет культурно обусловленного ритуала погребения, как символа необратимости, а высказывание приобретает трагическую тональность, поскольку приравнивает эмоциональное состояние к абсолютному прекращению существования чего-либо значимого. Глагол *papillonner* ('порхать') реализует модель НАСЕКОМОЕ > НЕПОСТОЯНСТВО. Оценка формируется за счет зооморфной метафоры, так как порхание ассоциируется с легкомыслием и эмоциональной недоступностью.

В англоязычном примере появляется модель ПРЕДМЕТ ГАРДЕРОБА > ПЕЧАЛЬ. Оценка возникает через семантику постоянства и внешней выраженности, ведь «носить» грусть, значит сделать ее видимой и превратить в устойчивый атрибут личности. Такой метафорический перенос создает эффект застывшего страдания, которое человек добровольно «надевает» на свое лицо. Глагол *fly* ('летать') актуализирует модель *ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ > УТРАТА*. Жизнь и счастье героини представляются как нечто способное к полету, а значит их невозможно удержать или догнать.

При этом особенно показательно, что семантика полета в данном примере работает в контрастном, «перевернутом» ключе. В языковой картине мире движение вверх и полет традиционно ассоциируются с положительными смыслами (концептуальные области ВЕРХ/НИЗ) такими как рост, успех, радость. В

терминах когнитивной семантики ВЕРХ регулярно профилирует позитивные ценности. Однако в данном конкретном контексте эта культурно укорененная позитивная коннотация намеренно инвертируется, фиксируя ускользание жизненно важного и обретая пространственное измерение.

Оценочная функция интерпретации в приведенных примерах реализуется опосредованно, при этом каждый язык актуализирует свой культурно и семантически обусловленный акцент, хотя когнитивные основания остаются универсальными.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование подтверждает, что глагольная метафора выступает значимым средством вторичной языковой интерпретации эмоций в антропоцентрической парадигме языкознания. Ее значимость обусловлена способностью переводить абстрактные, трудно поддающиеся прямому описанию эмоциональные состояния в плоскость конкретного, наглядного действия, прежде всего, за счет опоры на телесный опыт и универсальные когнитивные схемы. В рамках теории языковой интерпретации Н.Н. Болдырева глагольная метафора предстает не как стилистическое украшение речи, а как инструмент вторичной языковой интерпретации, выполняя все три ее основные функции: селекцию, классификацию и оценку. Селективная функция проявляется в акцентировании отдельных аспектов эмоций, таких так свершившаяся поломка или медленная деградация, что достигается за счет выбора глаголов с определенной семантикой. Классифицирующая функция позволяет упорядочить эмоциональный опыт, подводя абстрактное переживание под уже знакомый сознанию тип событий: страх осмысляется как оковы, мешающие привычному движению, или как толпа, теснящая пространство, или как объект, падающий с тела. Оценочная функция придает метафорическому образу аксиологическую нагрузку, формируя личностное отношение к переживанию и усиливая его экспрессивность. Так, скорбь становится непосильным грузом, а утрата – необратимым ритуалом погребения.

Опора на пропозициональные и образно-схематические модели обеспечивает глагольной метафоре логическую связность и наглядность. Пропозиционная схема задает структуру события с его участниками и действиями, а образно-схематическая наполняет его пространственными и динамическими характеристиками. Взаимодействие этих схем делает метафору эффективным когнитивным инструментом, позволяющим не просто назвать эмоцию, а смоделировать ее как событие, доступное осмыслению и передаче в коммуникации. При этом наблюдается доминирование онтологического типа концептуальной метафоры, когда абстрактное состояние предстает как материальный объект или процесс, что позволяет приобрести эмоции материальную форму, давая ей ощутимые параметры силы, движения, локализации и контроля.

Анализ примеров на русском, французском и английском языках демонстрирует сочетание универсальных когнитивных моделей и культурно-языковой

специфики. Общие модели, такие как ПОЛОМКА > ГОРЕ или ПРЕПЯТСТВИЕ > СТРАХ, опираются на базовый телесный и социальный опыт, понятный представителям разных культур. В то же время наблюдаются вариативность акцентов в построении когнитивных моделей. В русском материале устойчиво проявляются метафорические линии, акцентирующие тяжесть, необратимость разрушения и потерю устойчивости, что находит отражение в семантике глаголов *влачить*, *ломаться*, *стухнуть*. В английском языке более заметны модели, ориентированные на динамику перемещения в пространстве и возможность (или невозможность) контроля над состоянием. Это прослеживается благодаря употреблению таких единиц как *fly*, *fall*, *crowd*, где эмоция предстает как сила способная перемещаться, теснить или спадать. Во французском языке значительную роль играют метафоры, отсылающие к ритуалам или нюансам поведения (*enterrer, papilloner*), при этом оценка эмоционального состояния формируется через культурно закрепленные эталоны необратимости или легкомыслия.

Таким образом, различия в метафорической интерпретации эмоций связаны не столько с расхождением базовых когнитивных моделей, сколько с неодинаковым набором культурных эталонов и семантических нюансов, определяющих, какие именно аспекты переживания выходят на первый план и оказываются наиболее релевантными для носителей того или иного языка. Языковая система фиксирует не единый универсальный шаблон интерпретации эмоций, а спектр возможных акцентов, в рамках которых одни и те же переживания получают разную смысловую расстановку и образную трактовку.

Такая «свобода» в интерпретации метафор во многом отражает природу самих эмоций. Человек редко испытывает «чистую» эмоцию, изолированную от других переживаний. Как правило, эмоции проявляются кластерно [Shakhovskiy, 2008], в форме переплетения близких или даже противоречивых состояний, которые активируют множество ассоциативных связей. Именно эта многомерность эмоционального опыта делает метафорическую интерпретацию особенно продуктивной, позволяя передавать целый смысловой узел, а не точечное чувство, возникающий в конкретном контексте.

Подводя итог, можно говорить о том, что глагольная метафора оказывается важнейшим средством концептуализации и интерпретации эмоций, органично вписываясь в антропоцентрическую парадигму современного языкознания. Она не только отражает особенности человеческого мышления и восприятия, но и активно участвует в построении эмоциональной картины мира, представляя говорящему инструменты для осмысления, категоризации и оценки внутреннего опыта.

Многофункциональность и когнитивная глубина глагольной метафоры делают ее перспективным объектом дальнейших исследований, направленных на выявление новых моделей интерпретации эмоций, уточнение механизмов взаимодействия пропозициональных и образных схем, а также на изучение метафорических моделей в разных культурных контекстах.

LITERATURA

1. Arutyunova, N.D. (1990). Metafora i diskurs. V N.D. Arutyunova & M.A. Zhurinskaya (Red.), *Teoriya metafory* (ss. 5–32). Moskva: Progress.
2. Arutyunova, N.D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka*. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury.
3. Balli, Sh. (2001). *Frantsuzskaya stilistika*. Moskva: Editorial URSS.
4. Besemeres, M., & Wierzbicka, A. (2009). Emotion terms as a window on culture, social psychology and subjective experience. V S.V. Ionova (Red.), *Yazyk i emotsii: Nominativnye i kommunikativnye aspekty: Sbornik nauchnykh trudov k yubileyu Viktora Ivanovicha Shakhovskogo* (ss. 14–31). Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo.
5. Boldyrev, N.N. (2001). Perekategorizatsiya glagola kak sposob formirovaniya smysla vyskazyvaniya. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka, 60*(2), 40–55.
6. Boldyrev, N.N. (2007). Problemy issledovaniya yazykovogo znaniya. V *Kontseptual'nyy analiz yazyka: Sovremennye napravleniya issledovaniya: Sbornik nauchnykh trudov* (ss. 95–108). Moskva: Eydos.
7. Boldyrev, N.N. (2011a). Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, (31), 1–16.
8. Boldyrev, N.N. (2011b). Kognitivnaya spetsifika yazykovoy interpretatsii znaniy. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya*, (133), 11–18.
9. Boldyrev, N.N. (2013). Rol' interpretiruyushchey funktsii v formirovanii yazykovykh kategoriy. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, (93), 9–16.
10. Boldyrev, N.N. (2014). *Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka kak proyavlenie ego antropotsentricheskoy prirody*. Moskva; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.
11. Boldyrev, N.N. (2015a). Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funktsiyakh, edinitsakh i kategoriyakh. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, (1), 5–12.
12. Boldyrev, N.N. (2015b). Kognitivnyy podkhod k issledovaniyu antropotsentricheskoy prirody yazyka. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, (21), 38–45.
13. Boldyrev, N.N. (2015c). Printsip antropotsentrizma v yazykovom konstruirovanii prostranstva. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, (23), 30–39.
14. Boldyrev, N.N. (2016a). Kognitivnye skhemy yazykovoy interpretatsii. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, (4), 10–20.
15. Boldyrev, N.N. (2016b). Issledovanie fenomena cheloveka kak glavnaya missiya kognitivnoy nauki. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, (26), 33–37.
16. Boldyrev, N.N. (2017). Antropotsentricheskaya teoriya yazyka: Teoriko-metodologicheskie osnovy. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, (28), 20–81.
17. Boldyrev, N.N. (2018). *Yazyk i sistema znaniy: Kognitivnaya teoriya yazyka*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
18. Boldyrev, N.N. (2019). Kognitivnye dominanty yazykovoy interpretatsii. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, (36), 43–53.
19. Kalinin, O.I. (2025). *Metafora kak predmet lingvisticheskikh issledovaniy*. Moskva: RUSAYNS.
20. Kövecses, Z. (2002). Emotion concepts: Social constructivism and cognitive linguistics. In S.R. Fussell (Ed.), *The verbal communication of emotions: Interdisciplinary perspectives* (pp. 109–124). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
21. Kövecses, Z. (2010). *Metaphor: A practical introduction*. New York, NY: Oxford University Press.
22. Lakoff, G., & Johnson, M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem*. Moskva: Editorial URSS.
23. Maklakov, A. G. (2016). *Obshchaya psikhologiya*. Sankt-Peterburg: Piter.
24. Solodilova, I.A. (2010). Problemy modelirovaniya emotsional'nykh kontseptov. *Vestnik Bashkirskogo universiteta, 15*(1), 71–74.
25. Wierzbicka, A. (1986). Human emotions: Universal or culture-specific? *American Anthropologist, 88*(3), 584–594.

26. Wierzbicka, A. (1988). *The semantics of grammar*. Amsterdam, The Netherlands: John Benjamins.
27. Wierzbicka, A. (1995). Emotion and facial expression: A semantic perspective. *Culture & Psychology, 1*(2), 227–258.
28. Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across languages and cultures: Diversity and universals*. Cambridge, England: Cambridge University Press.
29. Wierzbicka, A. (2009). Language and metalanguage: Key issues in emotion research. *Emotion Review*, *1*(1), 3–14.
30. Shakhovskiy, V.I. (1984). Znachenie i emotivnaya valentnost' edinits yazyka i rechi. *Voprosy yazykoznaniya*, (6), 97–104.
31. Shakhovskiy, V.I. (1998). Emotsii – mysli v khudozhestvennoy kommunikatsii. V *Yazykovaya lichnost': Sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty* (ss. 81–92).
32. Shakhovskiy, V.I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy*. Moskva: Gnozis.
33. Shakhovskiy, V.I. (2009). Emotsii kak ob''ekt issledovaniya v lingvistike. *Voprosy psikholingvistiki*, 29–42. Volgograd–Saratov: Peremena.
34. Shakhovskiy, V.I. (2016). *Emotsii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya*. Moskva: Knizhnyy dom «LIBRIKOM».
35. Shakhovskiy, V.I. (2019). Obosnovanie lingvisticheskoy teorii emotsiy. *Voprosy psikholingvistiki*, (39), 22–37.

REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. (1990). Metaphor and discourse. In N.D. Arutyunova & M.A. Zhurinskaya (Eds.), *The Theory of Metaphor* (pp. 5–32). Moscow: Progress.
2. Arutyunova, N.D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian Culture.
3. Balli, Sh. (2001). *French stylistics*. Moscow: Editorial URSS.
4. Besemeres, M., & Wierzbicka, A. (2009). Emotion terms as a window on culture, social psychology and subjective experience. In *Language and Emotions: Nominative and Communicative Aspects* (pp. 14–31). Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House.
5. Boldyrev, N.N. (2001). Verb recategorization as a means of constructing utterance meaning. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language, 60*(2), 40–55.
6. Boldyrev, N.N. (2007). Problems in the study of linguistic knowledge. In *Conceptual Analysis of Language: Contemporary Research Directions* (pp. 95–108). Moscow: Eidos.
7. Boldyrev, N.N. (2011a). The interpretative function of language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (31), 1–16.
8. Boldyrev, N.N. (2011b). The cognitive specificity of linguistic interpretation of knowledge. *Bulletin of KazNU: Philological Series*, (133), 11–18.
9. Boldyrev, N.N. (2013). The role of the interpretative function in the formation of linguistic categories. *Bulletin of Tambov University: Humanities*, (93), 9–16.
10. Boldyrev, N.N. (2014). *The interpretative function of language as a manifestation of its anthropocentric nature*. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetny Ucheny.
11. Boldyrev, N.N. (2015a). The anthropocentric essence of language in its functions, units, and categories. *Issues in Cognitive Linguistics*, (1), 5–12.
12. Boldyrev, N.N. (2015b). The cognitive approach to studying the anthropocentric nature of language. *Cognitive Studies of Language*, (21), 38–45.
13. Boldyrev, N.N. (2015c). The principle of anthropocentrism in the linguistic construction of space. *Cognitive Studies of Language*, (23), 30–39.
14. Boldyrev, N.N. (2016a). Cognitive schemas of linguistic interpretation. *Issues in Cognitive Linguistics*, (4), 10–20.
15. Boldyrev, N.N. (2016b). The study of the human phenomenon as the principal mission of cognitive science. *Cognitive Studies of Language*, (26), 33–37.

16. Boldyrev, N.N. (2017). The anthropocentric theory of language: Theoretical and methodological foundations. *Cognitive Studies of Language*, (28), 20–81.
17. Boldyrev, N.N. (2018). *Language and the system of knowledge: A cognitive theory of language*. Moscow: Languages of Slavic Culture.
18. Boldyrev, N.N. (2019). Cognitive dominants of linguistic interpretation. *Cognitive Studies of Language*, (36), 43–53.
19. Kalinin, O.I. (2025). *Metaphor as a subject of linguistic research: A monograph*. Moscow: RUSAYNS.
20. Kövecses, Z. (2002). Emotion concepts: Social constructivism and cognitive linguistics. In S.R. Fussell (Ed.), *The Verbal Communication of Emotions: Interdisciplinary Perspectives*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
21. Kövecses, Z. (2010). *Metaphor: A practical introduction*. New York, NY: Oxford University Press.
22. Lakoff, G., & Johnson, M. (2004). *Metaphors we live by*. Moscow: Editorial URSS.
23. Maklakov, A.G. (2016). *General psychology*. Saint Petersburg: Piter.
24. Shakhovskiy, V.I. (1984). Meaning and emotive valency of linguistic and speech units. *Topics in the Study of Language*, (6), 97–104.
25. Shakhovskiy, V.I. (1998). Emotions as thoughts in artistic communication. In *Linguistic Personality: Sociolinguistic and Emotive Aspects* (pp. 81–92). Volgograd; Saratov: Peremena.
26. Shakhovskiy, V.I. (2008). *The linguistic theory of emotions*. Moscow: Gnozis.
27. Shakhovskiy, V.I. (2009). Emotions as an object of linguistic research. *Issues in Psycholinguistics*, 29–42.
28. Shakhovskiy, V.I. (2016). *Emotions: Pre-linguistics, linguistics, and linguoculturology*. Moscow: LIBRIKOM.
29. Shakhovskiy, V.I. (2019). Substantiating the linguistic theory of emotions. *Issues in Psycholinguistics*, (39), 22–37.
30. Solodilova, I.A. (2010). Problems in modeling emotional concepts. *Bulletin of Bashkir University, 15*(1), 71–74.
31. Wierzbicka, A. (1986). Human emotions: Universal or culture-specific? *American Anthropologist, 88*(3), 584–594.
32. Wierzbicka, A. (1988). *The semantics of grammar*. Amsterdam: John Benjamins.
33. Wierzbicka, A. (1995). Emotion and facial expression: A semantic perspective. *Culture & Psychology, 1*(2), 227–258.
34. Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across languages and cultures: Diversity and universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
35. Wierzbicka, A. (2009). Language and metalanguage: Key issues in emotion research. *Emotion Review*, *1*(1), 3–14.